

Приемыхов Валерий

9.04.94

Валерий Приемыхов: *Культура. — 1994. — 9 апр. — С. 12.*

Я — ПРОВИНЦИАЛ

Иностранцы, пытающиеся судить о России по столице, ни в малой степени ее не поймут: реформаторы, по-столичному лихо пытаюсь сконструировать будущее, не принимают во внимание провинцию. А ведь она существует: надо быть предельно бессовестным, чтобы не видеть, как она, несуществующая, кормит «светоч» свободы и мысли — столичные города наши, как отдает детей своих в армию, на своей шкуре полно и больно испытывая зигзаги столичной политики.

Приезжает ко мне мать недавно, идем в магазин... Я в мясном отделе «перебираю», она мне — с испугом: «Валер, побойся Бога! Мы такого и не видим дома...»

Столица сегодня — не культурно-географическое понятие, это близость к власти, распределению благ. Отсюда и отношение к провинциалам как к чему-то, порядок — замечательный порядок! — нарушающему. А ведь столичная общность из вчерашних провинциалов и образовалась. Половина из которых своего провинциального рождения стесняется, другие только в застолье и вспоминают Волгу, Оку, Сибирь своего детства... Я

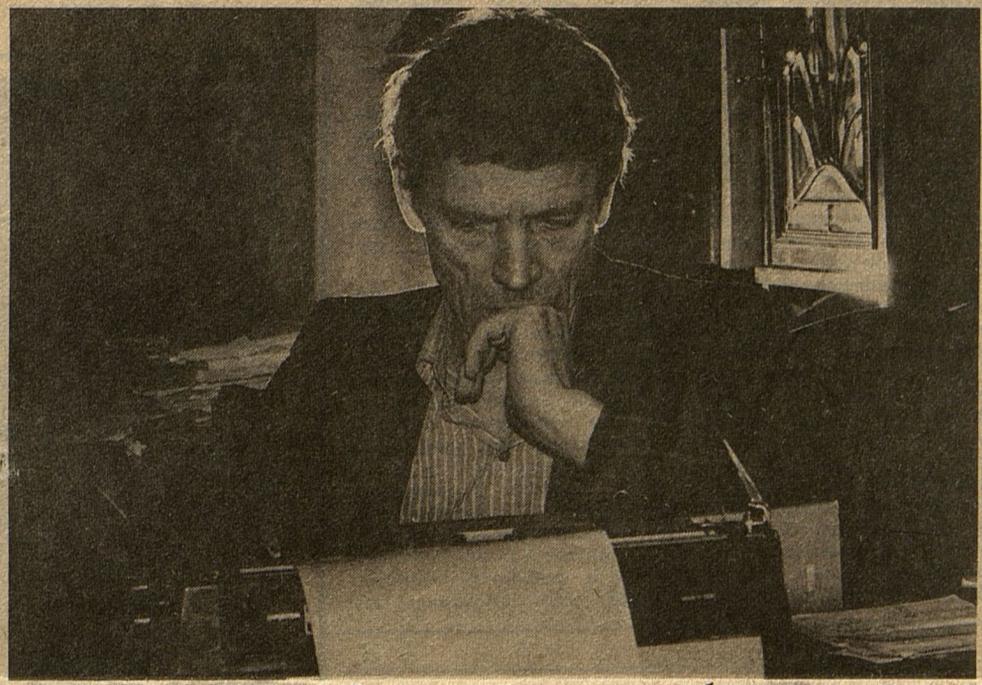
сток, Институт искусств, потом театр в Уссурийске. Это только жил где, а бывал где — без счету! Отец-то железнодорожником работал, то на лесозаготовках, так что жили мы и в городках таких, и в поселках, по улицам которых едва не медведи по ночам ходили. У меня до сих пор жуткий комплекс провинциала! В том даже, что вот играет, скажем, классическая музыка, а я ее не понимаю — где мне ее «познать»-то было! В Сиваках, где я жил, или Шимановске, в котором на весь город два аккордеона было? Мы одно время в городке жили, в котором тысяча пять жителей было, так там щиты баскетбольные стояли, а никто не играл — ребята правил не знали... Зато знаешь, как мы на «деревенских» смотрели! Я вот в Казанский авиационный поступал, разговор слышу: «...Да они там, на Дальнем Востоке, все тупые». Заело! Я ведь всегда много читал. В Куйбышеве-Восточном, который сейчас Белогорском называется, бегу из школы, помню, и меня заранее счастье переполняет: меня дома три тома Майн Рида ждут, Жюль Верн... И, потом, провинция — она ведь очень разная!

какие-то уверенные в себе люди были, а сегодня... Раньше было, например: ушел на пенсию начальник «Бакалеи» какой-то, купил «Волгу» — его посадили. Ну кого в Москве удивило бы когда, что, ну полковник какой-нибудь, на пенсию выходя, дачу купил!

На дне рождения своем, на пятидесятилетии, был я там, так... Ну не то, чтоб самый «маститый», но самый старый за столом сидел — точно: мэр города, начальник милиции, руководители структур всяких — до сорока, от силы — сорок два.

Зато потрясение, помню, у Евгения Павловича Леонова было, что Благовещенск — он ведь на широте Ялты находится! — такой город солнечный: утром — солнце, вечером — ложится спать — солнцем!

По учебе в Институте искусств помню: приходит флотилия «Слава» в город, город «гудит» неделю! Мы, естественно, в ресторан. Садимся неподалеку, то-се, разговор, знакомимся: «О, артисты!!! К нам, к нам...». Знаешь, как мы по городу ходили! Нас же первыми набрали. Да мне едва сказать стоило, что я из театрального, сразу: «O-o!» А в Москве я

раньше тоже думал: «Господи, у других — и речка как речка: Волга, скажем, а у нас — Пёра...» А в последнее время все больше, как ощущение счастья, во мне возникает воспоминание: сидим на завалинке с пацанами, разговариваем о чем-то, март месяц, солнышко теплеет... Речка ото льда освобождается...

Сегодня нас заставляют жить так, что молодежь готова от всего отречься, только бы убежать туда, где сладко едят и пьют! Но ведь у каждого из нас есть на земле место, где ты родился, воздух, которым дышал...

Меня, между прочим, в родном городе не узнают. Нет, ну, наверное, они и «Пацанов» видели, и «Холодное лето пятьдесят третьего», но не предполагают, что я тут вот, рядом с ними, иногда по грязи в резиновых сапогах шляюсь. Сажу как-то в кафе, на набережную смотрю, мороженое ем и любовь свою первую вспоминаю, двое: «Вы?!» «Ребята, — спрашиваю, — как вы меня узнали-то?» А они, оказывается, из Хабаровска...

Я родился в Белогорске, школу в Благовещенске кончал, в народной театральной студии при Амурском драмтеатре занимался, потом Владиво-

Такой провинции, скажем, как у Василия Белова или у Шукшина, у нас на Дальнем Востоке нет. Может, в силу «отодвинутости» своей от Центра, там сохранялась долгое время какая-то нравственная цельность, что ли: плохой человек там как-то очень быстро просвечивался, обособливался. Потом, правда — ну на БАМ, — туда всю шваль согнали: бомжей, проституток, эзков... Одно время, помню, весь одеколон из магазинов пропал — водку не завезли, потом какую-то «стекольную жидкость» пить начали...

У нас край ведь в свое время вообще закрытым был. Вот в Москве удивятся, может, если кто в Париже побывал, а у нас — я в сценарии об этом писал как-то — девочка из Москвы приехала в свое время так на нее смотреть сбегались: живая! Вообще ты с рассказов моих заранее «скидку» делай — очень все в последние годы изменилось. Раньше, например, и предположить невозможно было, чтобы парень здоровенный буфетчиком работал, а сегодня... У него четыре «тойоты», он валютчик. Да какой он «валютчик», шмоточник он, вот и все! Что нравилось мне раньше — ну в годы юности моей: спокойные,

себя хоть космонавтом, хоть хреном собачьим назови — никакой на тебя реакции... Я им в разговоре: «Вот Бурбулис...» Переспрашивают: «Кто это?» — «Ну, — говорю, — Бурбулис...» — «Да пошли они все!» — вот и попробуй в такой провинции «прокрути» перестройку... Такое ощущение, что идеи, в течение семидесяти лет в столице рождавшиеся, гибель свою находят за пределами Садового кольца. На выборах бесконечных уже «сноской» такой, «оговоркой» звучит: «Провинция косная, провинциалы — они же дураки, противные...» Только, как ни странно, дураки эти интуитивно всегда очень правильно голосуют, всегда выполняют роль такого балласта-успокоения, без которого корабль этот и плыть не сможет. Я до сих пор в Благовещенск, в Уссурийск приезжаю, из поезда выхожу и понимаю, что не просто к родственникам приехал, но туда, где мне хорошо будет: потому что и базар там есть, и клены, и дома невысокие, которые люблю... туда приехал, где рос, формировался, где человеком становился...

Монолог провинциала
записал
Г. СУХИН.

138